
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 343.8
ББК 67.409
М 69

В.С. Михайлов,

адъюнкт заочной формы обучения, преподаватель кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Самара, тел.: 8-927-65-65-666, e-mail: b671oo@gmail.com (b671oo@mail.ru)

К вопросу о законодательном регулировании деятельности пенитенциарной системы советского государства в период 30-х-60-х гг. XX века

(Рецензирована)

Аннотация. В статье проводится анализ правовых основ деятельности тюремной системы советского государства в период функционирования ГУЛАГа (30-е — 60-е гг. XX века). Рассматриваются противоречия нормативных актов законодательного уровня с ведомственными приказами и инструкциями, регламентировавшими деятельность органов исполнительной власти в сфере исполнения уголовных наказаний.

Ключевые слова: ГУЛАГ, нормативно-правовое регулирование, пенитенциарная система.

V.S. Mikhaylov,

Post-graduated student in a military academy of tuition by correspondence, Lecturer of Department of regime and protection in criminal and executive system, the Samara Legal Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, ph.: 8-927-65-65-666, e-mail: b671oo@gmail.com (b671oo@mail.ru)

On legislative regulation of activity of penal system of the Soviet State in the period of the 1930-1960s

Abstract. In the paper, an analysis is made of legal bases of activity of prison system of the Soviet State during GULAG functioning (the 1930 — 1960s). The author examines contradictions of normative acts of legislative level with the departmental orders and instructions regulating activity of executive authorities in the sphere of execution of criminal punishments.

Keywords: GULAG, normative and legal regulation, penal system.

Характеризуя основы правового регулирования деятельности пенитенциарной системы 30-х — 60-х годов, следует отметить, что в советском обществе сложилось своеобразное восприятие понятия «право». В массовом сознании оно отождествлялось не с конституцией или с законом и уж тем более не с естественными правами человека, а с конкретной деятельностью тех или иных правоохранительных учреждений. Полная юридическая не-

грамотность населения существенно облегчала работу репрессивной системы, так как практически исключала возможность каких-либо официальных протестов [1].

При анализе ряда нормативных актов советского периода бросается в глаза особенность советской репрессивной системы рассматриваемого периода. А именно, что ее деятельность основывалась, как правило, не на законах, а на секретных инструкциях, разъясне-

ниях, дополнениях и комментариях, которые чаще всего исходили от органов, не обладавших законодательными правами.

Далеко не всегда достоянием гласности становились и официальные законодательные акты. Многие указы Президиума Верховного Совета СССР имели пометку «не для печати». Затем Совет Министров СССР принимал секретное постановление, разъяснявшее порядок применения указа, далее следовали секретные приказы и инструкции Министерства внутренних дел (МВД) и Министерства государственной безопасности (МГБ).

Вместе с тем, передача всех мест заключения в систему НКВД в 1922 году требовала создания новой нормативной базы. В связи с этим в ноябре 1922 года утверждается Временное положение о Главном управлении мест заключения НКВД РСФСР и его местных органах. На эти органы возлагались задачи проведения в жизнь карательной политики и организации общих и специальных мест лишения свободы. Им были подчинены распределительные и наблюдательные комиссии, бюро принудительных работ. По оценке исследователей, по существу, с этого момента и начался отход тюремной системы от мировых стандартов обращения с заключенными, концентрация исправительной функции в наиболее военизированном ведомстве, ориентированном прежде всего на осуществление карательных функций, что позднее и проявилось в максимальной мере в системе Главного управления лагерями [2].

В научной литературе источники рассматриваемого периода принято рассматривать и разделять на нормативные и индивидуальные акты. К первым по субъекту издания относятся:

1) международные конвенции, соглашения, договоры;

2) нормативные акты высших органов государственной власти РСФСР и СССР;

3) ведомственные циркуляры, приказы, инструкции НКЮ, НКВД, НКГБ РСФСР и СССР;

4) нормативные акты местных органов государственной власти.

К индивидуальным актам отнесены постановления президиумов Губисполкомов, приказы и распоряжения отделов и подотделов НКЮ, подотделов принудительных работ, постановления распределительных комиссий, коллегий мест заключения, наблюдательных комиссий и другие.

В свою очередь анализ правовых источников, которые фактически определили нормативное регулирование тюремной системы советского государства, позволяет разделить их на две группы.

Первую составляют нормативно-правовые акты, определяющие содержание и сущность пенитенциарной системы на законодательном уровне. Они позволяют составить представление о системе общих мест лишения свободы в СССР, декларируемых принципах исполнения наказания. В эту группу входят такие нормативно-правовые акты, как Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года, постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 года «О карательной политике и состоянии мест заключения», Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 года [3] и т.д.

В исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 года впервые на законодательном уровне закреплены задачи и цели уголовного наказания в виде лишения свободы, а также органов, его исполняющих. «Исправительно-трудовой кодекс, — говорилось в статье первой, — имеет задачей установление правил по осуществлению на территории РСФСР начал уголовной политики путем соответствующей организации лишения свободы». Лишение свободы, согласно статье второй, имеет целью «как общее предупреждение преступлений со стороны неустойчивых элементов общества, так и предупреждение дальнейших посягательств преступника и обязательно соединяется с мерами исправительно-трудового воздействия». Для достижения указанной цели создаются исправительно-трудовые учреждения, основное назначение которых:

а) приспособление преступника к усвоению общежития путем исправительно-трудового воздействия;

б) предотвращение возможности совершения дальнейших преступлений.

Ставя перед каждым исправительно-трудовым учреждением задачу возмещения трудом заключенных затрат на их содержание, Кодекс требует, чтобы при этом исправительные цели не терялись из виду. Законодательно закрепляется положение о единой системе исправительно-трудовых учреждений с различными видами режима. В основу деления мест заключения на различные виды режима положены следующие требования:

а) учет специальных и психических особенностей личности заключенных;

б) индивидуализация мер социальной защиты в зависимости от причин преступления.

В этой связи места заключения делились на:

I. Учреждения для применения мер социальной защиты исправительного характера:

1) дома заключения, в которые направлялись лица:

а) состоящие под следствием;

б) приговоренные к лишению свободы, пока приговор о них не вступил в законную силу,

в) лишенные свободы на срок до шести месяцев;

2) исправительно-трудовые дома, предназначенные для содержания заключенных к лишению свободы на срок свыше шести месяцев;

3) трудовые сельскохозяйственные колонии, ремесленные и фабричные. В трудовые колонии направлялись лица, приговоренные к лишению свободы без строгой изоляции на срок не свыше пяти лет, если приговором суда установлено, что, являясь трудящимися, они неосознанно совершили преступление в первый раз случайно или вследствие тяжелых материальных условий. В эти колонии могли быть переведены трудящиеся, приговоренные и на больший срок, если до отбытия ими срока лишения свободы полностью оставалось не свыше пяти лет;

4) изоляторы специального назначения для содержания лиц, приговоренных к лишению свободы со строгой изоляцией, не принадлежащих к классу трудящихся и совершивших преступление в силу классовых привычек, взглядов и интересов. В указанные учреждения подлежали направлению также лица, хотя и принадлежащие к трудящимся, но признаваемые особо опасными для республики, а также в порядке дисциплинарного взыскания;

5) переходные исправительно-трудовые дома предназначались для содержания заключенных, которые по отбытию части срока лишения свободы в других местах заключения обнаружили приспособленность к трудовой жизни и признаны распределительной комиссией подлежащими переводу в обстановку полусвободного режима.

II. Учреждения для применения мер социальной защиты медико-педагогического характера:

1) трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей, в которые направлялись несовершеннолетние от 14 до 16 лет, приговоренные к лишению свободы;

2) трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи. Эти дома были рассчитаны на содержание правонарушителей рабоче-крестьянского происхождения от 16 до 20 лет.

III. Учреждения для применения мер социальной защиты медицинского характера:

1) колонии для психически неуравновешенных, туберкулезных и других больных заключенных;

2) институты психиатрической экспертизы, больницы и т.п. В эти учреждения направлялись заключенные, которые в установленном порядке признавались подлежащими помещению в одно из таких учреждений.

Вышеуказанный кодекс закреплял одно из важнейших принципиальных положений советской исправительно-трудовой политики — ее гуманный характер. Режим в местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства; в отношении заключенных

исключается применение физического воздействия: кандалов, наручников, карцера, строгого одиночного заключения, лишения пищи, свиданий с их посетителями через решетку. В местах заключения устанавливается обязательность труда для всех способных к нему заключенных. Занятие заключенных работами должно иметь воспитательно-исправительное значение, целью которого является приучение к труду, обучение профессии, которая после отбытия наказания дает им возможность жить трудовой жизнью. Кодекс содержит весьма важные нормы, имеющие принципиальное значение для перспектив развития мест заключения: все работы в местах заключения организуются по принципу хозрасчета и освобождаются от всех общегосударственных и местных налогов и сборов. Все поступающие от работ суммы принадлежат месту заключения, хранятся на его текущем счету и могут расходоваться на следующие цели:

- 1) оборудование производства;
- 2) приобретение материалов;
- 3) заработную плату техническому персоналу;
- 4) вознаграждение заключенным за работу.

Чистая прибыль, получаемая местом заключения от работ заключенных, распределялась следующим образом:

- а) 40 процентов — на расширение производства места заключения;
- б) 12,5 процента — на улучшение пищи заключенных;
- в) 15 процентов — в фонд помощи освобожденным заключенным;
- г) 20 процентов — в пенитенциарный фонд Главного управления местами заключения РСФСР;
- д) 12,5 процента — в фонд инспекции мест заключения на выдачу премиального вознаграждения сотрудникам, занятым организацией и руководством производства.

Вместе с тем, определившись в начале 20-х годов тенденция к росту преступности в стране и формирующиеся органы правопорядка настоятельно требовали научного осмысления поня-

тия и содержания преступности в новых социально-экономических условиях развития государства, разработки мер по борьбе и профилактике этого сложного антиобщественного явления.

Период конца 20-х — начала 30-х годов XX столетия для Советского государства характеризуется резким ужесточением карательной политики, обусловленным обострением внутренней политической обстановки, утверждением личной власти И.В. Сталина. Этот процесс не мог обойти стороной и систему исполнения наказаний и, в первую очередь, лишения свободы. Усиление репрессий неизбежно вело к увеличению численности лишенных свободы и в этой связи вызывало потребность в формировании и расширении системы мест заключения.

Начало так называемого развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни в деятельности мест заключения связано с принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 года «О карательной политике и состоянии мест заключения», согласно которому, государство официально провело грань между «своими» и «чужими» преступниками. Отныне все они делились на «социально чуждых» и «социально близких». Субъекты преступления больше не были равны между собой. Естественно, что это сразу же нашло отражение и в пенитенциарной системе.

Советская власть проявила озабоченность тем, что имелся ряд отрицательных явлений и крупных недочетов в деятельности судов и в постановке карательной системы. В частности, указывалось на имевшее место «недостаточно обоснованное допущение в ряде случаев льгот для классово-чуждых и социально-опасных элементов». В связи с этим правительство требовало «признать необходимым применять суровые меры репрессий исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов».

В области исправительно-трудовой политики постановление предписывало НКЮ и НКВД в целях действительного

использования принудительных работ как средства уголовной репрессии разработать проект законодательства о принудительных работах на началах:

- а) бесплатности;
- б) хозяйственной выгоды,
- в) такой их организации, чтобы они представляли собой реальную меру репрессии по сравнению с общественными работами, организованными для безработных органами Народного комиссариата труда [4].

Наркомату внутренних дел предложено принять незамедлительные меры к упорядочению режима в местах заключения, в частности ограничить льготы (зачет рабочих дней, предоставление отпусков, переводы в разряды) классово чуждым элементам и социально опасным преступникам, рецидивистам; устранить полностью совместное заключение социально опасных элементов, с одной стороны, и случайных преступников — с другой; расширить полномочия начальников мест заключения в части поддержания соответствующего режима в местах заключения.

И, наконец, произошли два важных события, завершавшие развитие карательно-репрессивной системы Советского государства — предысторию ГУЛАГ НКВД:

1. Появление докладной записки наркоматов юстиции, внутренних дел и ОГПУ от 13 апреля 1929 года, поступившей в СНК РСФСР. В ней говорилось, что первые должностные лица советских карательных органов были озабочены тем, что существующая система мер социальной защиты в виде изоляции социально опасных элементов в местах лишения свободы «оказалась весьма дорогостоящей государству, повела к переполнению тюремного населения сверх всякой нормы и сделала приговор суда совершенно нереальным». Опираясь на директивные указания правительства о максимальном сокращении практики применения краткосрочного заключения, авторы записки обосновывали необходимость перехода «от системы ныне существующих мест заключения к системе концлагерей, организованных по

типу лагерей ОГПУ, как гарантирующей реально проведение карательной политики и несомненное значительное снижение расходов по содержанию заключенных». В документе отмечалось, что в связи с постановлениями, принятыми правительством в феврале 1929 года о переводе из обычных мест лишения свободы в концлагеря ОГПУ около 8 тысяч человек, остро встал вопрос о необходимости «срочной организации нового концлагеря емкостью примерно в 10 тысяч человек». Авторы записки вносили в правительство РСФСР следующие предложения:

- 1) всех лиц, осужденных на срок от 3-х лет и выше, использовать для колонизации наших северных окраин и разработки имеющихся там природных богатств;

- 2) для этой цели поручить ОГПУ организовать концлагеря по типу Соловецкого, избрав для них район Олонца, Ухты;

- 3) ёмкость лагерей определить в 30 тысяч человек.

По мнению вышеназванных ведомств, реализация их предложений давала возможность не только устранить существующие недостатки, но и значительно снизить расходы на содержание заключенных с 250 рублей в год на человека до 100 рублей. В конце записки авторы обращали внимание СНК РСФСР на то, что «в организации таких лагерей, несомненно, будут заинтересованы союзные республики» [5].

2. Обращение внимания Политбюро ЦК ВКП(б) на проблему организации концлагерей и принудительного использования труда заключенных. 13 мая 1929 года оно приняло постановление «Об использовании труда уголовных арестантов», которое предписывало «перейти на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет, в районе Ухты, Индиги и т.д.» Специальной комиссии под председательством Н.М. Янсона в составе Г.Г. Ягоды, Н.В. Крыленко, В.Н. Толмачева, Н.А. Угланова поручалось «подробно рассмотреть вопрос и определить конкретные условия

использования арестантского труда на базе существующих законов и существующей практики» [6].

Характерной особенностью того времени стала нарастающая нестабильность правового регулирования системы исполнения уголовных наказаний. Постановлением ЦИК и СНК 15 декабря 1930 года упраздняются Народные комиссариаты внутренних дел союзных и автономных республик. Места заключения передаются в ведение народных комиссаров юстиции союзных республик, за исключением исправительно-трудовых лагерей, которые остаются в подчинении ОГПУ. В этой связи возникла потребность в дальнейшем совершенствовании правового регулирования мест лишения свободы, находящихся в ведении Наркоматов юстиции союзных республик.

Нормативным актом, регулирующим отношения в этой сфере, стал Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, утвержденный постановлением ВЦИК и СНК 1 августа 1933 года. В качестве основной задачи уголовной политики на переходный от капитализма к коммунизму период Кодекс определил защиту диктатуры пролетариата и защиту социалистического строя от посягательств со стороны классово враждебных, деклассированных и неустойчивых элементов из среды трудящихся.

Базируясь на этом положении, законодатель закрепил следующие цели исправительно-трудовой политики:

а) создание для осужденных таких условий, которые бы препятствовали им совершать действия, наносящие ущерб социалистическому строительству;

б) перевоспитание и приспособление осужденных к условиям трудового общежития на принципах общепольности их труда, организации его на началах перехода от принудительного к добровольному на основе социалистического соревнования и ударничества [7].

Одним из главных инструментов реализации указанных целей Кодекс назвал места лишения свободы, которые предназначались для содержания

граждан, находящихся под следствием и судом по постановлению уполномоченных на то органов; осужденных на срок не свыше трех лет; осужденных на сроки свыше трех лет, если в приговоре суда содержится специальное указание об отбывании ими наказания в местах лишения свободы, подведомственных Народному комиссариату юстиции.

Весьма сомнительной является расхожая точка зрения, будто ИТК 1933 года «был проникнут принципами гуманизма, демократизма и социалистической законности» [8], а также, что «кодекс... выражал общие принципы исправительной трудовой политики... и все это имело значение не только для общих мест заключения, но и для исправительно-трудовых лагерей» [9]. Скорее всего, ИТК 1933 года служил «ширмой» для массовых незаконных репрессий, с особой силой разворачивающихся в этот период. ИТК 1933 года включал в себя следующие разделы:

- «Основные положения»,
- «Исправительно-трудовые работы без лишения свободы»,
- «Лишение свободы»,
- «Ссылка, соединенная с исправительно-трудовыми работами»,
- «Наблюдательные комиссии»,
- «Управление исправительно-трудовыми учреждениями»,
- «Средства системы исправительно-трудовых учреждений, порядок распоряжения ими и отчетности».

К местам лишения свободы были отнесены: изоляторы для подсудимых; пересыльные пункты; исправительно-трудовые колонии (фабрично-заводские, сельскохозяйственные, массовых работ и штрафные); учреждения «для применения к осужденным к лишению свободы мер медицинского характера» (институты психиатрической экспертизы, колонии для туберкулезных и других больных); учреждения для несовершеннолетних, лишенных свободы (школы ФЗУ индустриального и сельскохозяйственного типа).

ИТК 1933 года ввел ряд новелл, реализация которых создавала определенные перспективы для совершенствования исправительно-трудовой

практики. Это, в частности, возможности содержания лиц, находящихся под следствием или судом, как в изоляторах для подсудимых, так и в отделениях при других местах заключения. Последнее исключало общение с рецидивистами, препятствовало формированию преступных привычек и, что особенно важно, давало возможность администрации изучать преступника на ранней стадии.

Важным фактором, обеспечивающим сохранение внешних связей, явилось закрепление Кодексом права лишенных свободы на регулярные свидания, сроки предоставления которых регулировались в зависимости от типа места лишения свободы.

Производственная база организовывалась на предприятиях индустриального типа с социалистическими методами организации труда. При организации трудового воздействия администрации исправительно-трудовых учреждений предписывалось исходить из намеченной технической реконструкции, механизации трудоемких работ, специализации и кооперации предприятий, укрепления трудовой дисциплины, дальнейшего развития социалистического соревнования, и, в частности, высших его форм — хозрасчетных бригад, развития рационализации и изобретательства, стимулирования личной заинтересованности работающих в повышении производительности труда, развития культурного уровня и повышения квалификации [10].

В части содержания осужденных, организации и оплаты труда Кодекс обозначал совершенно новый подход, отличный от ранее действующих в этой сфере нормативных актов. Общее содержание, политико-воспитательное, медико-санитарное и другие виды обслуживания предоставлялись осужденным безвозмездно. Заработная плата им выплачивалась в полном объеме, при этом в их распоряжении оставалось 75 процентов заработка, остальная часть выдавалась при освобождении. Осужденные из среды трудящихся с учетом их трудовых навыков и профессиональных знаний могли исполь-

зоваться на работах административно-хозяйственного, счетно-канцелярского, политико-воспитательного и технического характера, выполняемых низшим и средним персоналом мест лишения свободы.

Следует отметить, что ИТК РСФСР 1933 года содержал определенное отступление от наиболее суровых репрессивных мер и в целом носил прогрессивный характер. Однако теоретические принципы резко расходились с практической реализацией уголовно-исполнительной политики, целью которой стало удаление политической оппозиции, а также использование труда заключенных для решения экономических проблем государства, что сводило на нет исправительную роль труда. С образованием в июле 1934 года общесоюзного НКВД и передачей в его подчинение исправительно-трудовых учреждений, находившихся в ведении комиссариатов юстиции союзных республик, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 года фактически утратил свое назначение и силу.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к заключению о том, что нормативно-правовые акты, определяющие содержание и сущность пенитенциарной системы на законодательном уровне, содержали весьма декларативные начала соблюдения законности при исполнении уголовных наказаний, что в свою очередь порождало возможность их трактования в двойственном смысле, естественно при условии существования репрессивно-карательной направленности деятельности органов государственной власти, не в пользу соблюдения законных прав и интересов человека и гражданина.

Это доказывается наличием второй группы источников, которая представлена секретными и совершенно секретными нормативно-правовыми актами, изданными органами высшей государственной власти и управления, которые регламентировали организацию и функционирование мест лишения свободы, а также секретными и совершенно секретными ведомственными нормативными актами, обеспечивающими

реализацию установлений высших органов государственной власти и управления в сфере исполнения наказания в местах лишения свободы.

К ним относятся, например,

— приказ ОГПУ от 25.04.1930 года №130/63 «Об организации управления лагерями ОГПУ» [11],

— приказ ОГПУ от 23.05.1930 года №169/81 «О порядке подчинения ИТЛ» [12],

— приказ ОГПУ от 01.04.1932 года №287/с «Об организации Северо-Восточного лагеря» [13],

— приказ НКВД СССР от 21.08.1934 года №0044 «О структурном построении и подчинении органов НКВД» [14],

— приказ НКВД СССР от 29.10.1934 года №00122 «О передаче исправительно-трудовых учреждений НКЮ союзных республик в НКВД СССР» [15],

— приказ НКВД СССР от 09.06.1938 года №00363 «Об утверждении структуры Главного Управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР» [16],

— приказ НКВД СССР от 26.04.1939 года №00431 «С объявлением штата 3 отдела ГУЛАГа НКВД СССР» [17],

— приказ НКВД СССР от 21.05.1939 года №00577 «О ликвидации спецотделений в ИТЛ» [18],

— приказ НКВД СССР от 29.03.1940 года №0123 «О функциях Контрольно-инспекторской группы при начальнике ГУЛАГа» [19],

— приказ НКВД СССР от 19.08.1940 года №001019 «О переустройстве ГУЛАГа НКВД СССР» [20],

— приказ НКВД СССР от 28.08.1940 года №001016 «Об организации Управления особого строительства НКВД СССР» [21],

— приказ НКВД СССР от 07.10.1940 года №001268 «О введении в действие Положения о Моботделе ГУЛАГа НКВД СССР» [22],

— приказ НКВД СССР от 17.10.1940 года №001318 «С объявлением дислокации управлений ИТЛ и строительств НКВД» [23],

— приказ НКВД СССР от 23.12.1940 года №001601 «Об изменении системы регистрации и оперативного учета преступников» [24],

— директива НКВД СССР от 22.03.1941 года №58 «О передаче части функций 2 отдела ГУЛАГа в 1-й Спецотдел НКВД СССР» [25],

— приказ НКВД и НКГБ СССР от 16.07.1941 года №00931/00272 «Об обеспечении бесперебойной работы органов НКВД и НКГБ в условиях военного времени» [26],

— приказ МВД СССР от 08.03.1947 года №00266 с объявлением структуры ГУЛАГа МВД СССР [27],

— приказ МЮ СССР от 14.05.1953 года №0050 «О присвоении новых наименований ИТЛ МЮ СССР» [28],

— приказ МЮ СССР от 18.06.1953 года №0082 с объявлением структуры ГУЛАГа МЮ СССР и его периферийных органов [29],

— приказ МЮ СССР и МВД СССР от 28.01.1954 года №005/0041 «О передаче из МЮ СССР в МВД СССР ИТЛК» [30],

— приказ МВД СССР от 10.11.1957 года №0622 «О передаче ИТЛ МВД СССР в подчинение МВД РСФСР» [31], и другие.

При этом анализ ведомственных приказов, а также распоряжений и постановлений рассматриваемого периода показывает, что содержание этих нормативных актов не предусматривает признаков гуманного подхода к лицам, содержащимся в местах лишения свободы. В функции органов, исполнявших наказание в виде лишения свободы, по ведомственным инструкциям не входило достижение целей исправления и перевоспитания осужденных, а также снижения рецидива преступлений на общегосударственном уровне.

Вполне естественно, что ни рядовые люди, ни советская, а тем более зарубежная общественность не были осведомлены о существовании директивных документов, которые грубо нарушали конституцию и права человека. О механизме их появления и применения знали только исполнители — судебные практики, следователи, ответственные сотрудники органов МВД и МГБ, а также небольшой круг советских и партийных работников.

Таким образом, как айсберг, значительная часть которого не видна, так и пенитенциарная система советской России с первых же дней была скрыта от глаза непосвященного за густой пеленой секретных инструкций и циркуляров. Ведомственная разобщенность и ослабление влияния общественных организаций в пенитенциарном деле явились следствием проводимой государством по-

литики по полному искоренению так называемых «чуждых элементов».

Так или иначе, партийные директивы нацеливали пенитенциарные органы и впредь проводить в своей политике четко выдержанную классовую линию. Эта же задача преследовалась и при реорганизации структуры управления исправительно-трудовыми учреждениями страны.

Примечания:

1. Иванова Г.М. ГУЛАГ: Государство в государстве. М., 1997. С. 42.
2. Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность / под ред. С.В. Степашина, П.В. Крашенинникова. М., 1998. С. 37.
3. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959). М., 1959. С. 202-207.
4. Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003. С. 118.
5. Иванова Г.М. История ГУЛАГа. 1918-1958. М., 1959. С. 143.
6. Там же. С. 144.
7. Упоров И.В. Указ соч. С. 396.
8. СУ РСФСР. 1933. №48. С. 208.
9. Астемиров З.А. Указ. соч. С. 26.
10. Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Указ. соч. С. 65.
11. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 1. Л. 14.
12. Там же. Лл. 15-15об.
13. ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 251. Л. 514.
14. ГАРФ. Ф. 9401 Оп. 1. Д. 463. Лл. 123-141.
15. Там же. Л. 381.
16. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 20. Лл. 583-585.
17. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 516. Лл. 421, 423-425.
18. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 14. Лл. 283-284.
19. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 62. Л. 174.
20. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 58. Лл. 105-106 об.
21. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 58. Лл. 170-174.
22. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 563. Лл. 55-59.
23. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 312. Лл. 354-360.
24. Архив НИПЦ «Мемориал». Коллекция документов.
25. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 107. Лл. 35-35 об.
26. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 605. Лл. 325-332.
27. Архив НИПЦ «Мемориал». Коллекция документов.
28. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 143. Лл. 75-77.
29. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 143. Лл. 182-189.
30. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 310. Лл. 4-5.
31. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 583. Лл. 366-367.

References:

1. Ivanova G.M. GULAG: A state within a state. M., 1997. P. 42.
2. Zubkov A.I., Kalinin Yu.I., Sysoyev V.D. Penal institutions in the system of the Ministry of Justice of the Russian Federation. History and the present / ed. by S.V. Stepashin, P.V. Krasheninnikov. M., 1998. P. 37.
3. The collection of standard acts on the Soviet corrective-labour law (1917-1959). M., 1959. P. 202-207.
4. Kotek J., Rigulo P. The century of camps: imprisonment, concentration, destruction. A hundred years of crimes. M., 2003. P. 118.
5. Ivanov G.M. The GULAG history. 1918-1958. M., 1959. P. 143.
6. Ibidem. P. 144.
7. Uporov I.V. The mentioned work. P. 396.
8. SU of the RSFSR. 1933. No. 48. P. 208.

-
9. Astemirov Z.A. The mentioned work. P. 26.
 10. Shirvindt E.G., Utevsky B.S. The mentioned work. P. 65.
 11. GARF. F. 9401. Op. 1a. D. 1. L. 14.
 12. Ibidem. Ll. 15-15 ob.
 13. TsA FSB. F. 66. Op. 1. D. 251. L. 514 .
 14. GARF. T. 9401 Op. 1 . 463. NN. 123-141 .
 15. Ibidem. L. 381.
 16. GARF. F. 9401. Op. 1a. D. 20. Ll. 583-585.
 17. GARF. F. 9401. Op. 1 . D. 516. Ll. 421, 423-425.
 18. GARF. F. 9401. Op. 12 . D. 14. Ll. 283-284 .
 19. GARF. F. 9401. Op. 1a. D. 62. L. 174.
 20. GARF. F. 9401. Op. 1a. D. 58. Ll. 105-106 ob.
 21. GARF. F. 9401. Op. 1a. D. 58. Ll. 170-174.
 22. GARF. F. 9401. Op. 1. D. 563. Ll. 55-59.
 23. GARF. F. 9401. Op. 12. D. 312. Ll. 354-360.
 24. The Archives of the NIPTs «Memorial». Collection of documents.
 25. GARF. F. 9401. Op. 1a. D. 107. Ll. 35-35 ob.
 26. GARF. F. 9401. Op. 1. D. 605. Ll. 325-332.
 27. The Archives of the NIPTs «Memorial». Collection of documents.
 28. GARF. F. 9414. Op. 1. D. 143. Ll. 75-77.
 29. GARF. F. 9414. Op. 1. D. 143. Ll. 182-189.
 30. GARF. F. 9401. Op. 12. D. 310. Ll. 4-5.
 31. GARF. F. 9401. Op. 1a. D. 583. Ll. 366-367.